
РЕГИОНАЛЬНЫЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ТУРЦИИ

Рашида Мрасси

Кафедра теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению и анализу региональных, географических и стратегических факторов, которые влияют на турецкую внешнюю политику. Основной задачей данной статьи является выявление роли этих факторов на развитие концептуальных основ внешней политики Турции.

Ключевые слова: региональные факторы, географические факторы, стратегические факторы, геополитика, внешняя политика, международные отношения, Турция, развитие турецкой внешней политики.

Анализируя региональную стратегию Турции в ее узком понимании, необходимо выделить три уровня, определяющие выбор ею тех или иных внешнеполитических ориентиров. Первый из этих уровней — международный. Главным фактором здесь является опора Турции на свои оборонные связи с США и на коллективную систему безопасности Североатлантического блока. Второй уровень связан с положением Турции в рамках ближневосточной региональной системы, а третий — это ее отношения с Грецией, омрачаемые проблемами Кипра и Эгейского моря.

Достаточно беглого взгляда на карту региона, чтобы составить ясное представление о значимости в нем Турции. Занимая доминирующее положение в Малой Азии и контролируя проливы, Турция является связующим звеном между балканскими странами и ближневосточным регионом. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что Турция граничит на северо-востоке со странами Кавказа, а также имеет общую границу с Сирией, Ираком и Ираном. Кроме того, на северо-западе Турция располагает европейским анклавом, который граничит с Болгарией и Грецией.

Можно сомневаться в том, в какой степени то или иное государство следует включать в данное географическое сообщество. Вместе с тем здесь необходимо учитывать историю его формирования. Очевидно, что тесное соседство расположенных здесь стран восходит к достаточно давним временам. Такое «чувство соседа» присутствует здесь уже как минимум четыре столетия. И исторический фактор имеет тут немаловажное значение, способствуя приданию современной Турции доминирующего значения в рамках данной субрегиональной системы [1].

По определению Дэвида Истона, **международная система** — это комплекс отношений, взаимодействий и политических ролей, посредством которых происходит процесс властной спецификации ценностей в обществе; они призваны выполнять интегрирующую функцию путем угроз или легитимного материального принуждения [2]. К этому определению сделаны дополнения и выдвинут целый ряд возражений со стороны неоструктуралистов и неофункционалистов. Однако

Мортон Каплан сформулировал идею международной системы следующим образом: «Международная система, какой мы ее видим на протяжении веков, — это комплекс взаимосвязанных правил и моделей поведения, регулирующих отношения между государствами, определяющих проявления и источники их устойчивости или дезорганизации на протяжении того или иного временного периода. Следовательно, идея международной системы заключается в том, чтобы выявить поведенческие нормы и модели, повторяющиеся в деятельности внешней по отношению к локальной системе среды (т.е. международной среды)» [3]. Итак, речь идет о проявлениях и источниках устойчивости или дезорганизации межгосударственных отношений, а затем — о выделении общих и частных закономерностей этого феномена.

Это касается текущих взаимодействий между субъектами международных отношений (государствами, сообществами на основе той или иной идентичности, крупными объединениями, транснациональными корпорациями и т.д.) в современном мире. Когда же говорят о новой международной системе, то подразумевают различие между двумя эпохами: старой эпохой «холодной войны» с ее двумя мировыми полюсами и специфическими международными взаимодействиями и механизмами — и новой, наступившей после окончания «холодной войны», второй войны в Персидском заливе и крушения коммунизма, когда на первый план вышел баланс интересов, мирное соперничество, принципы международной законности, прав человека, защиты окружающей среды и т.д. Под новизной здесь имеется в виду наличие ценностей и поведенческих моделей, которых ранее не существовало. Эти ценности и модели перевернули суть международного баланса, существовавшего до 90-х годов, но ни в коем случае не создали устойчивой или справедливой международной системы, которая устроила бы все народы планеты [4].

В этом контексте проявляется и региональная роль Турции. Говоря о Турции, авторы геополитических аналитических исследований обычно сосредоточивают основное внимание на ее стратегической значимости для, по меньшей мере, трех регионов: Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Кавказа и Балкан и Черноморского бассейна. Взглянув на карту, мы увидим, что Турция находится не в центре, а на периферии каждого из этих регионов. А ее политическая принадлежность к ним отнюдь не является очевидной.

Политика Анкары преимущественно была направлена на отсоединение от Ближнего и Среднего Востока, а не на привязку к ним. Что касается Балкан и Черноморского бассейна, то здесь нет долгой общей истории; поэтому эти регионы лишены обширного поприща для объединения, несмотря на имеющиеся здесь политические и географические пересечения. Если же взять узы, связывающие Турцию с Центральной Азией, то окажется, что они либо возникли совсем недавно, либо уходят корнями в туман раннетурецкой истории [5]. Правда, существуют отношения Турции с государствами Кавказа, однако они скорее определялись функциональными задачами длительной борьбы за влияние между внешними по отношению к этому региону акторами: народы Кавказа в большей мере видели в Москве, Стамбуле и Персидской империи внешние силы, нежели части региональной системы. Наряду с этим, авторы, рассуждающие о Турции как региональной державе, напоминают о том, что Центральная Азия как регион, обладающий общими

с Турцией корнями, появилась лишь недавно; если не считать языковой близости, здесь нет никаких элементов, на основании которых можно выстроить тесное партнерство или региональную систему. Исламская религия не может служить прочным политико-культурным связующим звеном. Что касается языковой общности, то на нее тоже вряд ли можно всерьез полагаться. Пожалуй, наиболее ярким подтверждением этому может служить тот факт, что на саммите тюркоязычных государств в 1992 и 1994 гг. представители Центральной Азии, обсуждая те или иные вопросы в деталях, говорили не на тюркских языках, а по-русски.

Нельзя прилагать абстрактные идеи к конкретным региональным ситуациям. Выявление и сопоставление потенциальных источников силы сопровождаются значительными трудностями. Это относится и к таким, казалось бы, очевидным параметрам, как военная и экономическая мощь, и, тем более, к источникам нематериальной силы — например, стабильности политической системы, которая считается главным залогом эффективности внешней политики.

Что касается **географического фактора**, то Турция в ее современных границах унаследовала важную географическую характеристику, присущую Османской империи. Она обладает едва ли не важнейшим среди всех государств мира расположением между четырьмя морями — Средиземным, Мраморным, Черным и Каспийским, на перекрестье морских (Босфор и Дарданеллы), сухопутных (Азия — Европа), воздушных (Европа — Ближний Восток) и нефтяных (Персидский залив — Средиземное море) путей. Турция доминирует в северо-восточном секторе Средиземноморья, что делает ее с ее проливами, расположенными севернее на одной линии с Суэцким каналом и Баб-эль-Мандебским проливом, обладательницей важнейшего стратегического положения [6].

Ввиду всего этого турецкая внешняя политика обуславливается целым рядом факторов, связанных с географическим соседством и сопутствующими ему проблемами: такими, как распределение водных ресурсов, пограничные проблемы, нефть и газ, а также с экономическими и торговыми связями, расширением военного сотрудничества и сотрудничества в области безопасности [7]. Этим предопределяется специфика Турции в данной сфере: ей приходится проводить разностороннюю внешнюю политику, призванную обеспечить преодоление как международных, так и региональных вызовов [8]. Как отмечает турецкий экономист и политолог Сенджар Дефтиш-оглу, Турция находится в центре политико-географической структуры: христианский союз, протянувшийся от Атлантики до Урала и включающий Россию, Грузию и Армению, а также Израиль на юге, который христианский Запад считает частью своей цивилизации; новые республики в Центральной Азии; мусульманский пояс, включающий Арабский Машрик, Иран и Пакистан. Благодаря этому Турция, занимающая срединное положение между этими тремя поясами, может играть весьма значительную политическую и экономическую роль [9].

Вместе с тем очевидно, что турецкая внешняя политика претерпит определенные изменения, выйдя за рамки знаменитого лозунга Ататюрка: «мир на Родине — мир во всем мире». Такой изоляционистский курс, проводившийся Турцией в течение десятилетий, поставил ее в положение «периферийного», «теневого» государства, не позволив ей отойти от предназначенной ей функции — служить

«погранзаставой» НАТО в регионе. Открывающиеся перед Турцией новые перспективы позволили ей начать новую политику, нацеленную на достижение открытости и преодоление роли «карлика» в регионе. В свое время об этом публично заявил Тургут Озал, сказав: «Турция как нельзя лучше готова к великой роли, которая ожидает ее на Ближнем Востоке, на Черном море, на Балканах и в Центральной Азии».

Что касается **стратегического фактора**, то его исследование предполагает анализ реалий и функций, приписываемых Турции как новой региональной державе, долженствующей поддерживать стабильность и порядок в интересах Запада, а также в качестве политического и экономического образца для центрально-азиатских республик и «умеренных» мусульманских государств. Кроме того, она призвана служить мостом между Европой и Ближним и Средним Востоком, между Европой и Центральной Азией и между Европой и миром ислама.

Имидж Турции в контексте диалога о политико-стратегических переменах в международной жизни после распада Советского Союза существенно изменился. Рассуждая о Турции, чаще всего говорят о ее новой роли как региональной державы, способной выполнять некую стабилизирующую функцию или стать моделью развития для других. В то же время продолжают разговоры о «мосте», хотя и в несколько новом свете: если раньше он соединял Европу с Ближним и Средним Востоком, то теперь стал соединять Европу с Центральной Азией или с мусульманским миром. Тем не менее все эти представления и рассуждения служат главной цели: они указывают на меняющуюся, растущую геополитическую значимость Турции как гаранта западных интересов.

Новый подход Запада к стратегическому значению Турции в начале 90-х годов совпал с собственным представлением Турции о самой себе. Это представление, подспудно вынашиваемое турецкой элитой, основывалось на убеждении в том, что Турция является наследницей мировой имперской державы, подобной Великобритании или Франции, и, следовательно, должна играть особую роль в международной политике.

Бывший президент Турции Тургут Озал в контексте второй войны в Заливе приложил немало усилий, чтобы убедить западных союзников, в особенности руководство США, в том, что значимость его страны возрастает. В этом смысле можно говорить о взаимном влиянии применительно к новой оценке Турции по окончании «холодной войны». Политическая элита и государственное руководство в Анкаре восприняли новую оценку Западом Турции без сколько-нибудь существенных коррективов и уделили ей повышенное внимание в своем публичном дискурсе. Апогеем такого дискурса стало выступление Озала на саммите тюркоязычных государств, состоявшемся в Анкаре в конце октября 1992 г. «Предстоящее столетие, — заявил Озал, — может войти в историю как „тюркский век“». Однако, несмотря на различие оценок нынешней роли и функции Турции как региональной державы, существует много неясностей в том, что касается точного значения используемых при этом понятий.

Для американской стратегии Турция по-прежнему имеет большое военно-политическое значение. С окончанием «холодной войны» стерлось стратегическое различие между центром Европы и ее периферийным окружением. Если раньше

линия противостояния проходила между двумя Германиями, то сейчас она вытянулась вдоль так называемой «кризисной дуги» [10]. Эта «дуга», в свою очередь, подразделяется на два отрезка: восточный (нестабильный регион между Турцией и Кавказом) и южный (от Северной Африки и Средиземноморья до Ближнего Востока и Юго-Западной Азии), где также существует нестабильность, но уже по причине гегемонистской политики Запада, израильской оккупации арабских земель, западного экономического и культурного давления и волны антиарабских и в целом антиисламских настроений [11]. На обеих этих «дугах» ощущается потребность в срединном расположении Турции по отношению к районам, в которых Соединенным Штатам видится необходимость сохранять ситуацию, отвечающую их интересам. Так, 25 марта 1991 г. глава оборонного ведомства США Дик Чейни заявил, что в результате кризиса в Заливе отношения между Турцией и США стали более прочными и развитыми, чем прежде, и отметил, что две страны связаны общими ценностями [12]. А Генри Киссинджер написал в одной из своих статей: «Турция — главная сила в нашей стратегии в Заливе. Она была основной опорой нашей политики в Средиземноморье, однако после десятилетий давления, оказывавшегося американцами и европейцами на ее кипрскую и курдскую политику, она почувствовала себя отверженной. Между тем невозможно отстоять наши интересы в Заливе без эффективной помощи со стороны Турции. Без нее в следующем столетии нельзя будет сохранить международную поддержку антииракских санкций. К счастью, для конструктивного взаимодействия с Турцией нет препятствий. Сейчас самое время обращаться с Турцией соответственно ее стратегической значимости. Существует насущная потребность в том, чтобы подтвердить это, прежде чем вероятное наступление фундаментализма в Турции ликвидирует такую возможность» [13].

Турция играет роль моста из Европы в Центральную Азию и на Ближний и Средний Восток, однако эта роль находится пока в стадии становления. Внутритурецкие политические дискуссии, а также поведение Турции в западных международных организациях в течение последних десятилетий свидетельствуют о том, что Турция не считает себя безвольным инструментом в руках Запада и не намерена разрешать использовать себя в таком качестве. Под идеей «моста» в Турции скорее понимается исполнение политической функции — функции посредника в самом широком значении этого слова. Здесь считают, что Турция имеет особые политические, культурные и экономические связи с близлежащими регионами, и участие в этих связях отвечает также и интересам ее западных партнеров. В целом можно сказать следующее: то, что говорят и пишут о Турции как о «мосте», представляется не более чем словесным оборотом; что же касается Турции как региональной державы и общественно-политической модели, то такая трактовка является реалистичной и адекватной. С наибольшей наглядностью это проявилось после падения шаха в Иране в 1979 г. Тогда Турция стала превращаться в наиболее подходящего кандидата на ту роль, которую исполнял шахский режим в регионе, поскольку обладала всеми необходимыми для этого атрибутами и качествами. Так, не будучи арабской страной, Турция не является участницей арабо-израильского конфликта. Далее, Турция — мусульманская страна, но турецкий ислам приемлем для консервативных арабских режимов. В связи с этим Эврен за-

мечает: «Политика открытости по отношению к мусульманским государствам отвечает интересам стран региона и государств НАТО»; «Турция должна быть мостом между странами Запада и мусульманскими государствами» [14].

Очевидна и стратегическая значимость Турции для Ближнего Востока и зоны Персидского залива. Если проанализировать те соображения, которыми руководствуется турецкая внешняя политика по отношению к Персидскому заливу, то обнаружится следующее:

1) Турция не может отказаться от политической и военной привязки к Западу, которая наложила определенный отпечаток на ее идейную и методологическую ориентацию (вестернизация, секуляризация, капитализм и т.д.) [15], отвечающую ее представлениям о национальной безопасности [16];

2) в этом контексте Турция заинтересована в европейских экономических структурах (Европейский таможенный союз, Общий рынок); ей желательно, чтобы экономические соображения служили дополнением к соображениям военно-политическим;

3) Турция стремится к тому, чтобы быть частью нового мирового порядка, особенно в том, что касается «Ближневосточного общего рынка», или участвовать в конструкциях, наметившихся после второго кризиса в Заливе и событий на Балканах;

4) Турцию живо интересуют перемены, происходящие на ее западных границах, т.е. в государствах Восточной Европы, некоторые из которых перешли из Варшавского договора в блок НАТО;

5) Турция стремится обеспечить благосклонное отношение западных держав к ее связям с государствами Персидского залива, имеющим большое значение для ее региональной и международной политики.

После второго кризиса в Заливе Турция получила приобретение стратегического характера: некоторые страны Залива вложили крупные суммы в Фонд турецкой военной промышленности, капитал которого составляет около 3,5 млрд долларов: так, Саудовская Аравия и Кувейт вложили в него два миллиарда долларов, а ОАЭ — полмиллиарда.

Турция взяла на себя активную роль в поддержании стратегии США, согласившись на создание на своей территории дополнительных военных баз и элементов военной инфраструктуры для облегчения действий американских войск в регионе; это было сделано в надежде на то, что Турция будет вовлечена в новые политические схемы и структуры безопасности.

Внешняя политика Турции во многом предопределяется ее **геостратегическим положением**. Находясь на стыке Европы и Азии, на перекрестке морских, сухопутных и воздушных коммуникаций между Европой и арабским миром, она является одновременно европейской, средиземноморской и ближневосточной страной [17].

Особое значение такое геостратегическое положение приобрело после присоединения Турции в 1952 г. к Североатлантическому альянсу. Ей были предоставлены крупные преференции в выстраивании системы противовоздушной обороны, а против всех соседних с ней государств велась активная военно-разведывательная работа, призванная оградить западные интересы в Восточном Средиземноморье и в зоне Персидского залива [18].

В дальнейшем геостратегическая ценность Турции изменилась в связи с распадом Советского Союза и Варшавского договора и возникновением так называемого «нового мирового порядка». Эти события в значительной мере способствовали активизации деятельности Турции в южном направлении, особенно в отношении стран Персидского залива. При этом обе стороны (Турция и страны Залива) проявляли интерес к новым республикам, население которых имеет турецкие корни, связанным с Турцией, помимо религиозных, историческими и культурными узами [19].

То же самое можно сказать о **геополитическом факторе**. Соседство Турции с такими важными регионами, как Кавказ и Ближний Восток, а также с беспокойными Балканами, придает ей особую значимость. Вопреки представлениям о том, что после окончания «холодной войны» напряженность в этих районах спадет, а значит, снизится и геополитическое значение Турции, этого не произошло. Трансформации, происшедшие за последнее десятилетие, и события 11 сентября 2001 г. доказали, что Ближний Восток по-прежнему является важным регионом в западных политических и экономических сценариях. С другой стороны, рост напряженности в отношениях США с Ираном и Сирией (двумя другими соседями Турции) после американской оккупации Ирака вновь может поставить Турцию перед непростым выбором.

Западу видятся три аспекта значимости Турции: как образца для государств Кавказа, Центральной Азии и Балкан; как страны, от которой в известной мере зависит активизация или спад фундаменталистских движений на Ближнем Востоке; как государства, обладающего определенным социально-экономическим опытом, конкретно — опытом влияния частного сектора на стабильность и политические реформы. Запад (европейский и американский) усматривает в Турции важный фактор достижения своих целей — таких, как обеспечение безопасной транспортировки энергоресурсов с Кавказа, Ближнего Востока и из Центральной Азии на мировые рынки, противодействие распространению оружия массового поражения, особенно на Ближнем Востоке, поддержание безопасности в Черноморском бассейне.

Как показывает существующая ныне реальность, соседствующие с Турцией регионы не утратят своей значимости для миропорядка в обозримом будущем. Это придает Турции дополнительную важность, в том числе с точки зрения выполнения Барселонского соглашения, которое трудно будет в полной мере реализовать на практике без турецкого участия [20].

Все эти факторы во многом предопределили турецкую внешнюю политику. Однако, подобно всякой политике, она зависела от конкретного политического этапа. Так, после Первой мировой войны, когда сложилась ситуация, зафиксированная в Лозаннском договоре 1923 г., Турция стремилась по возможности сохранить свое положение или свою прежнюю роль — в частности, действовать совместно с державами Антанты, добиваясь новых соглашений по проливам (достигнутых в 1936 на конференции в Монтрё). После Второй мировой войны Анкара изменила свои ориентиры, перейдя от нейтралитета к попытке получить определенные преимущества. Это был противоречивый процесс с точки зрения его влияния на турецкую внешнюю политику, особенно в том, что касается превраще-

ния Турции в сателлита Запада. Альянс Турции с Западом во главе с США стал приносить ей ощутимую экономическую и военную помощь в обмен на безусловное следование в фарватере американской политики — в отличие от прежнего нейтралитета. Благодаря этому в 1939 г. Турция стала членом Совета Европы, в 1950 г. приняла участие в Корейской войне и, наконец, стала полноправным членом НАТО в 1952 г.

Эта перемена превратила Турцию в «периферийное государство». Она очутилась на периферии Европы, не имея возможности участвовать в европейских делах. В то же самое время она оказалась периферийной по отношению к государствам Ближнего Востока, так как не имеет возможности вмешиваться в ближневосточные дела. А поскольку СССР был закрыт для Турции, постольку она оказалась и на периферии Кавказа и Балкан.

Однако после окончания «холодной войны» Турция неожиданно переместилась на очень важную позицию, быстро перейдя с периферии в центр. Это предопределило ускоренный пересмотр ее внешней политики в направлении более независимой и активной роли в регионе. Ростки этого нового видения Турцией своей региональной роли просматриваются в ее политике по отношению к Ирану и Ираку: заметно, что она существенно отличается от американских концептуальных подходов и практической политики. Это означает, что та роль, которую Анкара играла в эпоху «холодной войны», претерпевает значительные изменения: от узкого политического курса, базирующегося на оборонительных принципах, она переходит к открытости и многовекторности [21].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Набил Хайдару*. Туркия дираса фи-с-сияса аль-хариджийя мунзу 1945 (Турция: исследование внешней политики с 1945 г.). — Дамаск: Дар Сабра, 1992. — С. 103—104.
- [2] *David Easton*. The Political System.— New York: Alfred Knopf, 1953. — P. 15.
- [3] *Morton Kaplan*. System and Process in International Relations. — New York: John Wileys & Sons Inc, 1972. — P. 172.
- [4] *Хасан Бакр*. Аль-араб ва-н-низам ад-дувалий аль-джадид (Арабы и новый мировой порядок) // Дирасат Мустакбалийя. — 1996. — № 1. — С. 114.
- [5] *Хайнц Крамер*. Туркия кА кувва иклимийя джадида. Дираса ли-ль-майхум ас-сиясий аль-истратиджий (Турция как новая региональная держава. Исследование политико-стратегического понятия) // Шуун аль-Аусат. — Бейрут. — 1996. — № 55. — С. 12—13.
- [6] *Абд аль-Монеим Сауд*. Аль-араб ва дуваль аль-дживар ас-джуграфий (Арабы и государства — географические соседи). — Бейрут: Центр исследований арабского единства, 1987. — С. 47.
- [7] *Уни Абд ар-Рахман ас-Сабаави, Абд аль-Джаббар Абд Мустафа ан-Нуайми*. Аль-алякат аль-халиджийя ат-туркийя мутаийет аль-вакиа ва афак аль-мустакбаль (Отношения между государствами Залива и Турцией: текущее состояние и перспективы на будущее). — Абу-Даби: Марказ аль-Имарат ли-д-Дирасат ва-ль-Бухус аль-Истратиджийя. — 2000. — № 43. — С. 17.
- [8] *Джалаль ад-Дин Карм*. Ас-сияса аль-хариджийя ат-туркийя абаадуха ва афакуха (Турецкая внешняя политика: параметры и перспективы). — Дамаск: Дар Сабра, 1993. — С. 163.
- [9] *Дели Хуриид*. Трукия ва кадая ас-сияса аль-хариджийя (Турция и проблемы внешней политики). — Дамаск: Изд-во Союза арабских писателей, 1999. — С. 12.
- [10] *Strategic Analysis*. — 1995. — Vol. XVIII. — P. 73—90.

- [11] *Тамер Камиль Мухаммед Салем*. Аль-алякат ат-туркийя аль-амрикийя ва-ш-шарк аль-аусат фи алям ма баада аль-харб аль-барида (Турецко-американские отношения и Ближний Восток в мире после холодной войны). — Абу-Даби: Марказ аль-Имарат ли-д-Дирасат ва-ль-Бухус аль-Истратиджийя. — 2002. — № 95. — С. 43.
- [12] *New Spot Turkish Digest*. — 1991. — March 28, 1991.
- [13] *Henry Kissinger*. Major Challenges Lie Ahead in Asia, Europe and the Gulf // *Newsweek*. — 1997. — January 27.
- [14] *Джирджис Хасан*. Туркия фи-ль-истратиджийя аль-амрикийя баада сукут аш-шах (Турция в американской стратегии после падения шаха). — Б/м, б/д. — С. 28.
- [15] *Davison R.H.* Turkey, A Short History, 2nd ed. — London: Eathen Press, 1988. — P. 177.
- [16] *Уни Абд ар-Рахман ас-Сабаави, Абд аль-Джабер Абд Мустафа ан-Нуайми*. — Указ. соч. — С. 22.
- [17] *John H. McFadden*. Civil Military Relation in the Third Turkish Republic // *The Middle East Journal*. — Winter 1985. — Vol. 39. — No. 1. — P. 69.
- [18] *Admiral Orttten, Karabulut*. The Turkish Navy, on the 1990's // *NATO's Sixteen Nations*. — 1989. — Vol. 34. — No. 5. — P. 79.
- [19] *Уни Абд ар-Рахман ас-Сабаави, Абд аль-Джабер Абд Мустафа ан-Нуайми*. Указ. соч. — С. 10—11.
- [20] *Рахман Кахраман Бур*. Туркия ва-ль-иттихад аль-уруббий (Турция и ЕС) // *Шуун Арабийя*. — Бейрут. — 1994. — № 77. — С. 106—107.
- [21] *Мухаммед Нур ад-Дин*. Джибулитика туркия (Геополитика Турции) // *Шуун аль-Аусат*. — Бейрут. — 1994. — № 116. — С. 123—124.

THE ROLE OF REGIONAL, GEOGRAPHICAL AND STRATEGIC FACTORS IN FORMULATION THE TURKISH FOREIGN POLICY

Rachida Mrassi

Theory and History of International Relations Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Article deals with the study and analysis of regional, geographic and strategic factors that influence the Turkish foreign policy. The main task of this article is to show the role of these factors on the development of conceptual basis of Turkish foreign policy.

Key words: regional factors, geographic factors, strategic factors, geopolitics, foreign policy, international relations, Turkey, the evolution of Turkish foreign.